

СТАТЬИ

О. Н. Т р у б а ч е в

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Настоящая статья примыкает к работе под таким же названием в томе «Этимология. 1968», не будучи, однако, ее продолжением в полном смысле слова. Их объединяет главным образом план (фонетика, морфология, словообразование) и поиски средствами этимологии резервов реконструкции, которые могут быть использованы также и для сравнительной грамматики.

* * *

Соответственно намеченному выше плану мы начнем с краткой заметки по сравнительной фонетике в свете некоторых этимологических наблюдений. Известно, что базой любого этимологического исследования служит историческая фонетика, прежде всего — совокупность аксиоматических правил относительно так называемых регулярных переходов звуков, исторических звукосоответствий. Едва ли нужно соглашаться с поверхностным суждением о том, что исследовательские возможности здесь исчерпаны; это неверно хотя бы потому, что еще далеко не выявлен в полном объеме лексический состав славянских языков и диалектов. Верно, однако, и то, что действительная фонетическая история лексики славянских языков гораздо сложнее и, конечно, не исчерпывается стройным рядом регулярных звукосоответствий. Непреложностью этого факта вызваны различные теории экспрессивных фонетических изменений сначала в определенных разрядах лексики («детские слова», элементарное родство), а потом и в неограниченном количестве вполне стандартной лексики языка (ср. работы Коржинека, Махека, Копечного, Ливера и некоторых других ученых, близких к чешской этимологической школе, работы которой требуют порой критического отношения). При всех возможных различиях, эти концепции трактуют один предмет — нерегулярные фонетические изменения. Но нетрудно заметить, что понятие

нерегулярных фонетических изменений — в не меньшей степени, чем понятие регулярных изменений — порождено концепцией семьи родственных языков или диалектов. «Нерегулярное» с точки зрения основных магистральных характеристик данной генетической языковой группы оказывается совершенно регулярным в плане основных закономерностей какой-либо иной языковой группы. Дело обстоит в таких случаях просто там, где вскрывается влияние иноязычных субстратов или адстратов, т. е. когда изолированное звуковое изменение сразу обретает регулярность как известная черта языка-источника.

Но есть также случаи, когда мы не вправе говорить о каком-то иноязычном влиянии, а если это все-таки иногда и делается, то не без риска допустить ошибку. Так, например, историческая фонетика славянских языков не знает регулярного перехода *tl*, *dl* > *kl*, *gl* и говорит только о сохранении *tl*, *dl* или об упрощении их в *l*. На этом примерно основании болг. *гръклън* 'горло' попадало в число древних балтийских элементов контактного происхождения в составе южнославянской лексики (ср. лит. *gurklýs* 'зоб, горло' с таким же характерным «балтийским» переходом *tl* > *kl*). Но знакомство с лексикой разных славянских языков и диалектов все больше приводит к мысли, что мы здесь имеем дело с фонетической особенностью, которая спорадически встречается в различных словах почти на всей славянской языковой территории и с соответствующим балтийским фонетическим явлением не связана никаким другим образом, кроме общей аналогии. Переход *tl* > *kl* известен в балтийских языках как регулярное и характерное фонетическое изменение, но уже наличие близкого перехода в итальянских языках, в латинском (*tl* > *cūl*) не позволяет считать названное изменение специфически балтийским. Очевидно, на тех же общих антропофонетических основаниях базируются и спорадические славянские случаи *tl* > *kl*. В силу каких-то причин они не получили развития и поэтому остались за рамками исторической фонетики славянских языков в суммарном понимании. Насколько права при этом суммарная историческая фонетика и не сказывается ли здесь ограниченность метода данного раздела сравнительной грамматики, — другой вопрос. Этимологическое исследование, эта именология отдельного слова идет дальше, критерии частоты и характеристики получают здесь несколько иной смысл; так, доказанное единичное или редкое изменение с точки зрения этимологии ничуть не менее важно и реально, чем доказанное регулярное изменение. Подобный атомизм этимологического исследования — не слабость, а сила этимологии, и его едва ли следует преодолевать или изживать. Он обеспечивает максимум информации о происхождении слова, чего в полном объеме уже не может дать суммарная историческая фонетика, будучи, так сказать, первой ступенью абстракции.

Близкие вопросы исследовал на различном языковом материале В. И. Абаев, который определяет подобные явления как перекрестные изоглоссы¹, что, возможно, подходит для изучения фактов близко родственных или территориально смежных диалектов, в иных же случаях способно скорее дать повод к недоразумениям, поскольку нельзя полностью лишить понятие изоглоссы линейного смысла. Я имею в виду затрагиваемый ниже переход $d\ddot{u} > b$ в славянском и в латинском. Конечно, в этом случае ни о какой изоглоссе говорить не приходится, удобнее же всего говорить и здесь об осуществлении некоторых общих антропофонетических потенций, завершившихся ассимилятивным упрощением группы согласных. Что касается латинского языка, то осуществление в его истории фонетического изменения $d\ddot{u} > b$ ни у кого сомнений не вызывает и может быть продемонстрировано на ряде очевидных примеров, прежде всего — для начала слов: лат. *bis* < и.-е. **d̥uis*, *bi-* < **d̥ui-*, лат. *bonus*, др.-лат. *d̥onus*, *bellum*, наряду с *duellum*². Отклонения касаются иных позиций (например, *-d̥u-* внутри слова в латинском), споры ведутся вокруг частностей, например указывается на сомнительность отражения $-d\ddot{u}n- > -v-$ после *-r-* в латинском, ср. факт сохранения сочетания *-rd̥u-* в *arduus*, тогда как лат. *sordus* объясняется из **sordhos*³.

Если обратиться к пособиям по сравнительной грамматике славянских языков, то создается впечатление, что в славянском отсутствуют какие бы то ни было аналогии названному процессу. А. Вайян прямо характеризует сочетание *dv* как устойчивое сочетание согласных в славянском⁴. Действительно, приводимый им там известный пример ст.-слав. **лѧдвиꙗ** 'ляжки': лат. *lumbi* 'то же' наглядно показывает разницу славянской и латинской трактовки. Но уже одной ссылки на в.-луж. *zběhać* 'поднимать' — при слав. *dvigati — достаточно, чтобы показать возможность исключений: слав. *dv-* дало в верхнелужицком слове *-b-*, аналогично латинскому звукоизменению (см. выше). Правда, здесь, по сути, приходится говорить об изменении *zdw > zb*, что несколько ослабляет показательность примера. Поэтому целесообразно обратиться к следующему примеру, который как по чистоте названного фонетического изменения, так и по масштабам распространения заслуживает специального внимания.

¹ В. И. Абаев. О перекрестных изоглоссах. «Этимология». 1966. М., 1968, стр. 247 сл.

² F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1902, стр. 228—229; K. Brugmann. Grundriss², I, стр. 322;

³ M. Niedermann. Etymologische Forschungen. — IF XV, 1903—1904, стр. 119.

⁴ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Phonétique. Lyon—Paris, 1950, стр. 85—86.

Речь идет о названиях дерна красного, бирючины, свидины в ряде славянских языков: сербохорв. *svība* ж. р. 'свидина', дерен красный *Cornus sanguinea*⁵, *svība*, *cība* то же, словен. *svība* то же, чеш. *svíd*, *svída* то же, слвц. *svīb* 'свидина', польск. *świdwa*, *świd*, *świdzina* то же, в.-луж., н.-луж. *swid*, полаб. *swaid*, русск. *свидина* 'дерен красный *Cornus sanguinea*' укр. *свид* м. р., *свидина* ж. р. то же. Корневую часть славянского слова уже давно правдоподобно объяснили, сблизив с названием того же растения в древнерусском — *sidis*, а также с лит. *svidūs* 'яркий, светлый', *svidēti* 'блестеть', англос. *svitol* 'ясный, явный', лат. *sīdus/-eris* 'светило'⁶. Хуже обстоит дело с толкованием вариантов конца основы *d/dv/b*. На этот счет мнения исследователей расходятся довольно существенным образом. Так, Махек и некоторые другие авторы строят гипотетический ряд **svida* > **svidva* > **svidba* > **svib-*⁶. Исход *-d-* при этом принимается как древнейший. Фасмер, напротив, использует формы на *-b-* и польские формы как указание на древнюю основу на *-ū-* **svidy*/**svidvē*. Для этого последнего предположения достаточные аргументы, как нам кажется, отсутствуют. Элемент *-v-* (с вариантом *-v̄-*, ср. русск. *свидбеник* 'свидина') можно считать суффиксальным наращением, о древности которого могут быть различные суждения, ср. также ниже. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди сближаемых со славянским названием данного растения этимологических соответствий (перечень — выше), кроме синонимичного древнерусского названия, остальная лексика достаточно далека семантически (ср. преобладающие значения 'светлый, ясный'). Не отводя этих широких сравнений, правдоподобие которых нами было в целом признано выше, мы хотели бы взвесить возможность еще одного дополнительного сближения, а именно с лат. *vīburnum* 'кустарниковое растение, калина'. Латинское слово до сих пор признавалось неясным этимологически⁷, причем высказывалось мнение о заимствованном происхождении как этого, так и сравниваемого с ним по типу образования латинского названия другого растения — *laburnum*, при возможном влиянии на их суффиксальный исход со стороны этруссского, ср., например, *Sāturnus*. Едва ли это убедительно, если вспомнить такие древние латинские образования с тождественным исходом, как *taciturnus*, *nocturnus*, относительно которых как будто никто не ставит вопрос о заимствовании.

⁵ Miklosich, стр. 331; Grautmann BSW, стр. 296; Vaser II, стр. 592; J. Schindler. — «Die Sprache», XII, 1966, стр. 70; V. Machek. — ZfslPh XXXIII, 1966, стр. 172 (предлагает здесь особую этимологию — слав.* *svidva* — лит. *sedulā* 'свидина *Cornus sanguinea*').

⁶ V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 171; P. Skok. Etimologiski rječnik hrv.-srpsk. jez. (рукопись, Загреб).

⁷ Wälde², стр. 832; Egnout-Meillet³, II, стр. 1294.

Основа *vīb-irgnim* могла бы быть объяснена из более древнего **(s)xeidu-*, откуда и слов. *svidva, разобранное выше. В плане реалий дерен красный (свидина, глог) и калина — кустарниковые растения со сходными качествами цветков, плодов и дрессесины.

Наиболее важный результат предложенного сближения для нас в данной связи — это отражение предполагаемого сочетания *dū* в виде *b* и в латинском и в славянском названии. Такое отражение представлено, как уже известно, не во всех славянских формах этого названия растения, а только в сербохорватском, словенском и словацком (см. выше). В остальных славянских формах, надо полагать, *dū* развилось в *d'v*, что давало возможность, с одной стороны, четкого сохранения обоих согласных, а с другой стороны, — отделения *-'v-*, ср. формы названия с исходным *-d-*. Фонетическая судьба названия растения *Cornus sanguinea* в славянских языках поучительна тем, что помогает как бы в миниатюре и вместе с тем контрастно увидеть эволюцию сочетания *dū* в славянском вообще. Если взглянуть на сочетание *dū* с более общей точки зрения, то станет ясным, что *dv* и, скажем, *tv* не совсем одинаковы в смысле своей устойчивости, как понимают их обычно слависты-компаративисты⁸. Так, наиболее устойчиво из них, видимо, сочетание *tv* (сильный, глухой+сонорный), и ассимилятивный результат *tv* > *p скорее всего невозможен в славянском. В отличие от него, сочетание *dv* (звонкий=слабый+сонорный) не обладает той степенью прочности, отсюда возможность случаев ассимилятивного уподобления, попытка выявления которых в славянском, при поддержке латинских аналогий, изложена выше.

Следует ожидать естественного возражения, что, за вычетом одного-двух названных выше достаточно проблематичных по своей древности примеров, славянский практически не знает фонетической эволюции *dū* > *b*. Однако из этого не следует, что нужно игнорировать вообще эти неосуществленные начальные потенции, заложенные в самом сочетании звуков, можно даже полагать, что изучение изолированных примеров перехода *dv* > *b* поможет лучше понять, почему в огромном большинстве случаев *dv* сохранилось в славянском. Нам кажется допустимым высказать предположение, что подобно тому, как, согласно Экблому, причина сохранения праславянского сочетания *dl* в западнославянских языках коренилась в раздельной артикуляции [d · l], точно так же сочетание *dv* с достаточно раннего времени выступало в славянском как *d·v* или *d'v*, причем этому краткому гласному элементу ‖ нельзя приписывать никакого этимологического

⁸ Ср.: A. Vaillant. Указ. соч., I, стр. 85—86; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 140.

значения, признавая за ним лишь позиционную, вставочную функцию. Между прочим, и здесь может пригодиться типологическая аналогия латинского материала, в котором, как известно, последовательность звуков *dū* давала *b*, ср. *bis* из и.-е. *duis*, но индоевропейский вариант *dīcō (природа среднего -i- здесь та же, что и у промежуточного гласного в славянском, см. выше) отразился только как *duo* 'два', а не **bō*⁹. Сказанное имеет самое прямое отношение к вопросу о реконструкции праславянской формы числительного '2'. Представляется возможным восстановливать как *dva, так и более традиционное праслав. *dъva, в котором ъ не так уж обязательно возводить непосредственно к упомянутому индоевропейскому варианту *dīcō, так как не исключена возможность, что здесь наблюдается в наиболее законченном виде реализация все той же тенденции «укрепления» первоначального чистого сочетания *dv*, ср. тот факт, что уже литовский с его *dū* 'два' из *dviuo показывает местный, славянский характер развития ъ в слав. **d(ъ)va*.

Таким образом, с помощью изложенной выше заметки мы хотели бы привлечь внимание к изолированным фонетическим явлениям и процессам, во-первых, как слабо изученным источникам единственно возможного подчас этимологического объяснения слова, а во-вторых, как к средству глубже проникнуть в механизм самих регулярных процессов. Регулярными, или типичными, для латинского являются, как известно, переходы *oi* > *ū*, *sr* > *br*, *dū* > *b*, в то время как в славянском те же исходные сочетания звуков регулярно эволюционируют совсем к другим фонетическим результатам: *oi* > *ě* (*ē*), *sr* > *str*, *dū* > *dv*. Но это не исключает возможности в отдельных, нередко изолированных примерах славянского проявления «латинского» (а равно и какого-либо другого) пути развития, что мы наблюдаем в случаях перехода *oi* > слав. *у* (близкое толкование корневого гласного в слове *ryba* находим у Топорова¹⁰, о некоторых старых и новых примерах *oi* > *у* мы рассчитываем сообщить в другом месте), а также в случаях *dū* > слав. *b*, рассмотренных в предшествующей заметке.

* * *

В настоящей заметке этимологические наблюдения используются для выяснения некоторых фактов с равнительной морфологии. Начнем с двух древнерусских (русско-церковнославянских) слов, прежде, насколько известно, не подвергавшихся этимологизации.

⁹ F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, стр. 228.

¹⁰ В. Н. Топоров. Из праславянской этимологии. «Этимологические исследования по русскому языку» вып. I. М., 1960, стр. 11.

Первое из них — *громы*, вин. п. мн. ч. от особого слова *громъ*; представлено у Срезневского (Материалы I, 597), как это часто имеет место в данном словаре, в виде неоговоренной реконструкции, см. *громыє* : — *ω κλαδύσθη γρομы*^x. Втз. XVIII. З по сп. 1499 г. (*θόματα, immolations; = требы* — по сп. XIV в.). Смысл и грамматическая характеристика компонентов фразы говорят в пользу нашего чтения: *громы* (см. выше), а не прилагательные *громыє*. Условия употребления этого редкого слова помогает прояснить такое очевидное производное от него, как отмеченное там же у Срезневского *громьница* ‘гостиница’: *громница* телесемь *ἡ καπηλεῖα τοῦ σώματος* (Ио. Злат. Сборн. XV в.). Семантическая общность, объединяющая форму *громы* как название жертвы и производное *громьница*, обозначающее, в сущности, харчевню, ср. свидетельство греческого эквивалента, выше, служит в наших глазах основанием для реконструкции праслав. *gromъ, нетематического причастия страдательного настоящего времени, ср. тип* *kotomъ*, *vedomъ. Образовано от чистой ступени редукции **gr-*, получившей дальнейшее развитие в слав. *gъrdlo, ср. полную огласовку **ger-* в слав. **žer-* и т. п. Таким образом, наряду с праслав. *gromъ I ‘гром, грохот’ можно говорить об особом праслав. *gromъ II ‘жертва’, ср. синонимичное *žyrtva, отглагольное имя с другой степенью вокализма того же корня.

Как уже упоминалось, существует возможность классифицировать *gromъ II как нетематическое страдательное причастие настоящего времени. Дославянский морфологический архаизм в этом случае ограничивался бы только особой степенью глагольного вокализма **gr-*, при обычном для славянского парном отношении **žer-/*žyrg-*. Другая возможность, которую также стоит упомянуть, как бы раздвигает рамки возможного сохранения архаизма дославянской эпохи: индоевропейское причастие **gʷro-menos/gʷromnos*, с возможным также отражением и.-е. *-m-* в слав. *-m-*. Наконец, третья возможность позволяет допускать здесь наличие первоначального имени и.-е. *gʷrōmos (ср. греч. *βρόμη* ж. р. ‘пища’), грамматикализованного вторично в таком случае в славянском как причастие страдательное настоящего времени. Мы наблюдаем здесь, таким образом, как бы взаимодействие фонетической эволюции и морфологического осмыслиения.

Говоря об архаизмах славянской морфологии на индоевропейском фоне, нельзя, естественно, не упомянуть о проблеме гетероклитических имен с основой на *-r/-n*. Несмотря на остаточный характер этих образований, а также на обозримость соответствующего материала в славянском¹¹, исследование этого вопроса сохраняет свою актуальность. Любопытно отметить, что известны еще не все языковые факты, имеющие самое прямое

¹¹ См. один из последних обзоров: Н. В г ä и е г. *Slavische Sprachwissenschaft*, III, 2, Berlin, 1969, стр. 109—112.

отношение к названной проблеме. Ср., например, кашубско-словинское *kator* м. р. 'камень'¹², по-видимому, отражение древнего варианта с основой на *-r*, ср. др.-инд. *āśmarā-* 'каменный', др.-исл. *hamarr* 'скала, утес', др.-в.-нем. *hamar*, соврем. нем. *Hammer* 'молот'. До сих пор, насколько известно, в научной литературе обсуждалась только соответствующая основа *-n* — слав. **kamъ/*kamene*.

Нуждаются в дальнейшем изучении словообразовательно и морфологически обособленные продолжения других индоевропейских основ на *-r/-n* в славянском. Один из таких случаев — отношение слав. **dъbno* и **dъbrъ* — мы попытаемся кратко разобрать ниже.

Праслав. **dъbno* продолжается в болг. *дъноб* 'дно', 'пень', сербо-хорв. *днѣ* 'дно', словен. *dno* то же, чеш., слвц., в.-луж., н.-луж., польск. *dno* 'дно', полаб. *danij* то же, цслав. *дъно*, русск. *дно*, укр. *дно* 'дно'. Праслав. **dъbrъ* дало ст.-слав. *дъбръ*, *дъбръ* *φάραγξ* 'овраг, долина', словен. *deber* 'лощина', чеш. *debř* 'долина', ст.-польск. *debrz*, польск. *debrza*, *debra*, русск. *дебрь* ж. р., укр. *дебрь* 'овраг, долина, лес'. На родство **dъbno* и **dъbrъ*, равно как и на их своеобразное суффиксальное оформление *-r/-n*, приближающееся к гетероклитической парадигме с тем же исходом основы, обращено внимание уже давно. В этимологическом плане праслав. **dъbno* обычно производят из и.-е. **dhubnōt* и сравнивают с лит. *dūgnas* 'дно' (из **dubnas*), лтш. *dubens*, *dibens* 'дно, глубина', галльск. *dubno-* 'мир', др.-ирл. *domin* то же, далее — прилагательное лит. *dubūs* 'глубокий', гот. *diups*, нем. *tief*, др.-ирл. *domain*, кимр. *dwfn* то же. Праслав. **dъbrъ* связывают в первую очередь с лит. *dūburas* 'промоина в русле', *duburj̄s* 'глубина', др.-ирл. *dobar*, др.-кимр. *dubr* 'вода', долатинским *Tiberis*, *Thybris*, глоссовым (иллирийским?) *δύβρις* ·*θάλασσα*, фрак. Δέβρη, Δόβηρος, местные названия¹³.

Слишком частные семантические реализации ('вода', 'углубление в русле', 'лощина') не должны заслонять от нас преимущественной связи **dъbn-/*dъbr-*. Это парадигматическое единство предполагало также древнюю общность значения. Остается решить, какого рода была семантическая первооснова этого бесспорно древнего образования. Высказывалось мнение, построенное, однако, как кажется, на чисто умозрительном вероятии, что значение 'земля, мир' развились из более первоначального

¹² B. Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. II. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, стр. 129.

¹³ Mikołosich, стр. 54; Р. Ф. Брандт. — РФВ XXII, 1889, стр. 114; А. И. Соболевский. — РФВ LXIV, 1910, стр. 115; Венекег I, стр. 242, 245—246; J. Charpentier. — «Glotta» 9, 1918, стр. 44²; К.-О. Фальк. — «Scando-Slavica» IV, 1958, стр. 271; P. Kretschmer. «Glotta» 22, 1934, стр. 216; D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 123, 144; Фасмер I, стр. 490, 519.

'дно, почва'¹⁴. Впрочем, тут следует напомнить другое давно высказанное наблюдение о возможности влияния на значение ст.-слав. *дъно* со стороны и.-е. **bhudhno-* 'дно' (др.-инд. *budhnáh* 'дно, почва', авест. *bunô*)¹⁵. Таким образом, исконность значения 'дно' у праслав. *dъbno и формы, предшествовавшей ему, вызывает сомнения.

Возможно, ключ к более глубокому пониманию истоков образования славянских слов и их индоевропейского прошлого даст обращение к известному древнеармянскому парному обозначению неба и земли, в основу которого при всей огромности дистанции, отделяющей армянское слово от славянского, мог быть положен тождественный принцип употребления этимологически тождественной индоевропейской морфемы. Имеются в виду арм. *erkin* 'небо' и *erkir* 'земля', древние производные от числительного арм. *erku* 'два' < и.-е. **dui̯dō/*d̥uei̯-*¹⁶. Яркая paradigmatische общность армянских названий земли и неба, объединенных одним корнем и единой суффиксацией *-n/r*, находит полное подтверждение в древнем понятийном единстве соответствующих представлений, и прежде всего — древнего восприятия видимого, этого мира как в ух твердой — земли и неба; парное противопоставление небо — земля известно в фольклоре¹⁷. Армянское соответствие (или вернее — свободная параллель) ценно для нас в данном случае своим указанием на возможность иепридыхательного начала индоевропейского слова, лежащего в основе слав. *dъbno, а именно и.-е. **dubhn-*. Между прочим, здесь может быть также использовано свидетельство другого слова, не привлекавшегося ранее для сравнения со слав. *dъbno — др.-лат. *dubinus* 'двуногий', глаголовое¹⁸ слово, которое может продолжать и.-е. **dubh(i)-no-*, связанное, с одной стороны, совершенно отчетливо с числительным **dui̯dō*, а с другой стороны, потенциально представляющее собой такую же тематизацию первоначально нетематического, консонантного **dubhn-*, как и слав. *dъbno с основой на *-o*.

Разумеется, важно взвесить все обстоятельства — как поддерживающие традиционную этимологию слав. *dъbno — от и.-е. **dheubh-/dhubbh-* 'долбить, глубокий', так и ослабляющие ее. Картина оказывается довольно сложной. Так, в балтийском наблюдается парное наличие как имени, так и соответствующего

¹⁴ C. D. Buck. Words for world, earth and land, sun. «Language», 5, 1929, стр. 221.

¹⁵ A. Meillet. — MSL 12, 1903, стр. 430.

¹⁶ Гр. Ачаряп. Корневой словарь армянского языка, т. I. Ереван, 1928—1930, с. vv. *erkin*, *erkir* (на арм. языке; автор считает эту этимологию народной); ср. еще: В. В. Иванов. — «Этимология». 1967. М., 1969, стр. 47, сл.

¹⁷ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 100 сл.

¹⁸ Walde — Hofmann I, стр. 375.

прилагательного: лит. *dùgnas* ‘дно’—*dubùs* ‘глубокий’; сходное соотношение есть в кельтском, ср. др.-ирл. *domin* ‘мир’—*domain* ‘глубокий’. Но уже в славянском имеется имя *dъbno ‘дно’, но нет прилагательного, далее, в германском, наоборот, есть прилагательное гот. *diups*, нем. *tief* ‘глубокий’, но нет имени той же основы с производным значением ‘дно’ (или ‘твёрдь, мир, вселенная’). В латинском, если не считать упомянутого обособленного *dubinus* ‘двойной’, нет ни однокоренного прилагательного ‘глубокий’, ни существительного с очерченным выше кругом значений. Таким образом, складывается впечатление, что как формально-этимологическое, так и понятийное соотнесение слав. *dъbno ‘дно’ и и.-е. **dhubh-* ‘глубокий’ строится на фактах скорее исключительных, а не регулярных. Кстати сказать, в терминах семантического поля понятия ‘дно’ и ‘глубокий’ едва ли можно безоговорочно характеризовать как взаимообусловленные, вопреки естественным бытовым ассоциациям на этот счет. См. специальный параграф ‘дно’ в известном семантическом словаре Бака¹⁹. Герм. **grund-* ‘дно’ развило также семантику ‘равнина, поле’, что говорит о превалирующем смысловом оттенке ‘плоскость’, откуда скорее производится значение ‘мель, мелкий’²⁰ чем ‘глубина, глубокий’. Вообще соотношение терминов ‘дно’ и ‘глубокое дно, глубина, бездна’ обращает на себя внимание как раз своей антонимичностью в разных языках, ср. нем. *Grund* и отрицание *Abgrund*, аналогично — слав. *dъbno и *bez dъbna.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что понятийной первоосновой слов. *dъbno, и.-е. *dubhnom послужило архаическое восприятие дна, почвы, земли как одной из двух твердей, причем с архаичностью понятийного, семантического плана сочетается архаичность словообразовательно-флексивного плана, а именно следы -*r/n*-основы в слав. *dъbno : *dъbrь.

Ниже следующие этимологии касаются слов, в образовании которых, так же, как и в предыдущем случае, затруднительно строгое разграничение между морфологическим и словообразовательно-лексическими процессами, что не раз приходится наблюдать в действительно архаических образованиях. Остановимся сначала на названии мяса, которое, несмотря на то, что снискало у некоторых авторов репутацию трудно анализируемой первичной вокабулы²¹, даже на стадии славянского сохраняет, по нашему мнению, четкость структуры и определенные возможности внут-

¹⁹ C. D. Buck. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949, стр. 855—856.

²⁰ H. S. Falk, A. Torg. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch, T. I. 2. Aufl. Heidelberg—Oslo—Bergen, 1960, стр. 352—353.

²¹ Ср. сборник статей: Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965, стр. 71—72 (русский перевод термина в данном издании не вполне точен).

ренней реконструкции. Речь идет о праслав. *mēso (руск. мясо, сербохорв. мѣсо, польск. *męso* и др.), которое и без помощи индоевропейских соответствий можно определить как продолжение более древнего **tēms-* или **tēməs-*. Звуковой состав последнего, очевидно, непервичен и обязан своим происхождением редупликации *te-ēt-s или **t-ētə-s-*. Более простое имя, содержащее вместе с тем непервичный, производный -о-вокализм, указал Бенвенист в индоевропейском названии плечевого сустава — **ōtso*²². Суженная семантика этого последнего слова генетически базируется на исходном более общем значении 'сырое мясо (вообще)'. Имя *ōtso обозначало, по-видимому, наиболее броский, существенный по виду и качествам кусок сырого мяса. Сюда же в свою очередь производное (ср. и окситонное, наконечное ударение) греч. φρός 'сырой', др.-инд. ātāḥ то же, прилагательное. Обычно считается, что из перечисленных индоевропейских форм в славянском отразилось только редуплицированное и.-е. **tēms-*, откуда произошло слав. *mēso (см. выше), сближаемое с др.-инд. *tāsāt*, гот. *timz*, арм. *mis*, алб. *mish*, др.-прусск. *mensa*, *menso*, лит. *mēsā*²³, диал. *mensā*²⁴. Потребность в проверке и этого привычного положения в науке вынуждает нас обратиться к небольшому эксперименту. И.-е. *ōtso или *otəsos дало бы закономерное *ōsъ в славянском. Славянские языки, насколько известно, не знают такого названия плеча, плечевого сустава. Но с другой стороны, в них широко распространено слово с формой *ōsъ (руск. ус, польск. *wąs* и др.), обозначающее ус, усы, реже бороду. Существующие этимологии этого слова не могут нас удовлетворить: это, с одной стороны, — сближение с др.-прусск. *wanso* 'первая растительность на лице', которое само, по всей видимости, заимствовано из соседних славянских диалектов, с другой стороны, — ряд сближений с индоевропейскими словами, обозначающими волосы, пушок на бороде, ресницы, и т. п., которые слишком определенно предполагают праформу с -i-вокализмом и корнем **uei-ii-* 'вить(ся)', чтобы не показаться сомнительными, поскольку ясно, что имя с корневым -о-вокализмом слав. *ōsъ едва ли может иметь что-либо общее с др.-ирл. *find* 'волосы', греч. ἕονθος 'молодая бородка', др.-в.-нем. *wint-brāwa* 'ресница'²⁵, которые продолжают название выше и.-е. **uei-ii-*, расширенное формантами *-endho-/ondho-*. Этимологические сближения вроде описанных выше часто строятся на близости или сходстве значений, без учета своеобразной эволю-

²² Там же.

²³ G. M e u e g . — BB VIII, 1883, стр. 190; H. P e d e r s e n . — IF V, 1895, стр. 56; W. Cimochowski . — LP, I, 1949, стр. 179; J. J. M i k o l a . — BB XXII, 1897, стр. 241—243; B e g n e k e g II, стр. 43—44.

²⁴ Z. Z i n k e v i č i u s . Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, стр. 79, 27.

²⁵ См. с дальнейшей литературой; V a s m e g III, стр. 189—190.

ции, которая могла привести к этим значениям. Ниже мы коснемся одного семантического перехода, который подтверждается семантическими же аналогиями, а кроме того, опирается на безупречность формально-фонетического соответствия и.-е.*ōtsos/*otəsos и слав. *ѹsъ. Следует обратить внимание на такую семантическую деталь, как фактическое отсутствие или позднее появление термина 'усы' в ряде языков, связанное с этим первоначальное неразличение названий для усов и бороды и — нередкое в таких случаях ввиду большей древности более общего значения термина 'борода' — вторичное заполнение пустующего места термина 'усы' с помощью новообразования, каково, например, нем. *Schnurrbart*, или путем заимствования, ср. болг. *мустák* 'ус' (из греческого, откуда оно проникло и в ряд других европейских языков). Точное формально-фонетическое соответствие и.-е. *ōtsos 'плечо': слав. *ѹsъ 'ус' имеет в наших глазах характер родства с эволюцией лексического значения 'плечо' > ' волосы до плеч' > 'борода и усы до плеч'. Полную семантическую аналогию названному процессу видим в слав. *bъrkъ, откуда, с одной стороны, польск. *bark*, *barki* 'плечи' (старшее значение), с другой стороны, — сербохорв. *брк* 'ус', русск.-слав. *бръчъхъ* *Вероникинъ* 'созвездие Волосы Вероники'. Здесь необходимо вспомнить проницательную догадку Топорова об отражении в русском фольклорном имени сказочного змея *Усыня* соответствия др.-инд. *ā́msa-*, др-греч. *ѡμος*, лат. *itterus* 'плечо', позднее переосмысленного по-новому²⁶. Легкой модификации (см. выше) достаточно, чтобы получить таким образом ту же этимологию, к которой мы пришли выше: слав. *ѹsъ < и.-е. *ōtsos 'плечо'.

Следующий пример интересен тем, что обеспечивает путем сравнения славянских форм с некоторыми, в том числе — весьма отдаленными, индоевропейскими, восстановление состояния глубокой, дограмматической древности. Имеется в виду слав. *nozdri, русск. *ноздри* и родственные. Слав. *nozdri не может продолжать более древнюю форму *noz-dri, о чем свидетельствует родственное лит. *nasrai* pl. tant. 'пасть'. Отсюда единственно возможная предыстория славянского слова — *nozdri < *nozri, со вставным *-d-* в группе согласных. Этимологическое родство и тождество слав. *nozdri и лит. *nasrai* дает нам основание отвергнуть те этимологии славянского слова, которые построены на иных реконструкциях, ср. гипотезу о древнем сложении **nos-dъra*²⁷, необязательную ввиду позднего характера соответствующих изменений в укр. *ніздря* (*o* > *i* во вновь закрытом слоге), далее — предположение о наличии здесь производного с суффиксом и.-е.

²⁶ В. Н. Топоров. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. «Этимология». 1967. М., 1969, стр. 16—17.

²⁷ V a s m e g II, стр. 225.

*-dhr-*²⁸ или с суффиксом *-r-*²⁹. Отвергаемые этимологии не могут удовлетворительно объяснить даже названных выше близко родственных слов; тем более, что, как увидим ниже, они отпадают, как только возникает необходимость объяснить характер связи с некоторыми отдаленно родственными индоевропейскими формами, остававшимися по большей части в тени.

Объясняя, в согласии с рядом авторов, *-zdr-* < *-str-* < *-sr-* в славянском слове как очевидную в общем, хотя, может быть, и не вполне регулярную фонетическую эволюцию, весьма напоминающую нам процесс озвончения слав. *-zнь* < и.-е.-*sн-* в аналогичных условиях соседства с сонорным согласным³⁰, мы реконструируем для слав. *nozdri индоевропейскую праформу *nosrī. Интересно отметить, что к тождественному и.-е. *nosrī восходит имеющее четко отличную грамматическую функцию германское имя женского рода — нем. *Nüster* ‘ноздря’,ср.-н.-нем. *noster* (через посредство формы *nustri). На этом круг обычных сопоставлений замыкается, дальше идут различные индоевропейские формы названия носа. Одна из них, как правило, выпадала из поля зрения в силу своих не до конца понятных особенностей, хотя имеет к этому самое прямое отношение. Речь идет о греч. *ρίς*, род. п. *ρίνος* ‘нос’, слове, которое резко отличается от общеиндоевропейской консонантной основы **nās-/*nos* с этим значением, прослеживаемой в др.-инд. *nas-* ж. р., авест. *nāh-*, лат. *nāris*, лит. *nōsis*, слав. **noszъ*³¹. Греческое слово не имеет удовлетворительной этимологии. Его считают неясным по происхождению, видя в нем местную замену и.-е. **nos-*, которое согласно господствующему мнению, не сохранилось в греческом языке³². Правда, возникает вопрос, уместно ли считать местной заменой слово с явно архаическими чертами? Дело в том, что греческое название носа — бесспорно древнее слово, имя с основой на согласный: *ρίς/ρίνος*. Не выходя за рамки элементарных закономерностей греческой исторической фонетики, можно реконструировать элементы более древней парадигмы склонения — им. п. *ρίνς (с последующим падением *-n-* перед свистящим), род. п. *ρίνος*. Существующие эти-

²⁸ K. Brugmann. Alte Wortdeutungen in neuer Beleuchtung. — IF XVIII, 1905—1906, стр. 436—438; K. Brugmann. Grundriss², II, 1, стр. 381.

²⁹ A. Meillet. Etudes I, стр. 129. Из прочей литературы по этимологии этого слова см.: A. Bezzelbergег. Etymologien. — BB I, 1877, стр. 341; G. Iljinskij. [Рец. на ст.] E. Zupitza. Zur Herkunft des slavischen *-z-*. — KZ XXXVII, стр. 396—398. — RS VI, 1913, стр. 225; A. Bajec. Besedotvorje slovenskega jezika I. Ljubljana, 1950, стр. 22; Shvelo. A prehistory of Slavic, стр. 147; «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo». Red. E. Havlová. Brno, 1966, стр. 47—48.

³⁰ F. Liewehr. Über expressive Sprachmittel im Slavischen. — ZfS I, 1956, стр. 17.

³¹ Mayrhofer II, стр. 146; Pokorný I, стр. 755.

³² Frisk II, стр. 659.

мологии не объясняют ни консонантного характера греческого слова, ни согласного элемента *-n-* в его составе. Раннегреческое *ρίνει/ρήνος закономерно продолжает более древнее *srīns/*srīnos. Этимология от и.-е. *ser- 'течь'³³, приемлемая для начала основы, оставляет без внимания ее исход, а как раз здесь, по нашему мнению, ключ к разгадке.

Есть основания полагать, что греческое слово близко по морфемному составу к слав. *nozdri. Характер этой близости, как нам кажется, поможет уяснить кое-что неясное и в славянском слове. Уже Мачек³⁴ пытался связать слав. *nozdri с греч. ρίνεις, но он весьма своеобразно понимал при этом *nozdri как первоначальное сложение *nos(o)-srīnes, что многое оставляет необъясненным и потому неубедительно. Со стороны семантической определенным указанием на историческую близость слав. *nozdri, русск. ноздри и греч. ρίς/ρήνος может служить тот факт, что плюраль *ai* ρίνεις означает 'ноздри'. Со стороны формальной слав. *nozdri допустимо, в соответствии со сказанным выше, реконструировать как древнее *nos-srī, тогда как греческое слово (ср. прежде всего полную форму косвенного падежа ρήνος) можно восстанавливать как *srī-nos. Совершенно очевидно, что *nos-srī, *srī-nos представляют собой одни и те же индоевропейские корневые морфемы, расположенные в различной последовательности. О компоненте *nos- см. выше, в то время как *srī — расширение и.-е. *ser- 'течь, жидкость, слизь', что уже и раньше предполагалось для ρίς/ρήνος (Гофман). Но особенно важно отметить следующее: 1) оба варианта (видимо, диалектные) — *nos-srī (германский, балтийский, славянский) и *srī-nos (греческий) — флексивно не оформлены, *-i* в *nos-srī относится к основе, будучи словообразовательным формантом в производном от редуцированного варианта корня *ser-/sr-. Словообразовательная, а не флексивная сущность этого элемента видна также из наличия его внутри сложения *srī-nos; 2) как балтийская флексия мн. ч. *-ai* (*nasrai*), /, так и слав. *-i* в *nozdri в свете вышесказанного — не что иное, как вторичное использование в функции регулярной грамматической флексии первоначального исхода именной основы (*-i* — недифтонгическое). Равным образом преобразования второго компонента варианта *srī-nos в греческом ρήνος привели к полной анигиляции его как первоначального самостоятельного полнозначного именного корня: результат был полностью переосмыслен как падежные окончания, морфологические форманты: *srī-n-o-s (им. п.), *srī-n-o-s. При всех отличиях, эволюция славянской и греческой форм шла в одном направлении: грамматикализация лексических, «дограмматических» элементов.

³³ Boisacq⁴, стр. 842; Hofmann, стр. 299.

³⁴ Machek, стр. 328.

И.-е. *nosrī с древней долготой в исходе и исконным значением множественности, естественным в обозначениях парных предметов, образующих целое (ср. лит. *dūrys*, слав. *dvṛi и т. п., см. по этому вопросу специальное исследование Мейе³⁵), должно было бы отразиться в виде лит. *nasṛys, но парадигма, к которой принадлежит современное лит. *dūrys*, несет во мн. ч. ударение не на флексии. Может быть, этим и была вызвана перестройка в иную парадигму — *nasral*, формально — мн. ч. от основ на *-o-, к числу которых не принадлежит ни одно из продолжений и.-е. *nosrī. Отсюда один возможный вывод — это то, что форма лит. *nāras* 'рот' образована *ad hoc*, как бы для «реабилитации» плюраля *nasral*. Точно так же новым и вторичным по отношению к мн. ч. *nozdrī (ст.-слав. *ноздри*) явилась ед. ч. русск. *ноздрь*,польск. *nozdrza*, болг. *ноздра*³⁶. Здесь логичнее, между прочим, ожидалось бы *ноздрь с основой на -i-, ср. *дверь* < мн. *двери*.

Итак, типично для грамматическая индоевропейская форма *nos-srī, где в исходе — словообразовательный фомант -ī, претерпевает совершенно различную грамматическую, морфологическую реализацию в относительно близко родственных ветвях индоевропейского. При этом и.-е. *nos-srī отражается в славянском как плюраль, в германском формализуется как имя женского рода на -ī, в литовском же полностью утрачивает древний долгий гласный в исходе, перестроившись как форма множественного числа регулярного вида.

* * *

В плане исторического словаобразования, особенно задач его сравнительного изучения, важная вспомогательная роль этимологии не требует доказательств. Именно этимология обеспечивает подчас идентификацию морфемного состава слова, идет ли речь о полнозначных морфемах или об аффиксах. Эта область исследования актуальна еще и потому, что мы до сих пор не имеем полного инвентаря славянских словообразовательных морфем. При этом если с суффиксами дело обстоит благополучнее и с временем Миклошича более или менее известен круг славянских суффиксов и — с некоторым приближением — их абсолютное количество, то значительно менее удовлетворительно обследованы префиксы. Исключение составляют, пожалуй, превербы, глагольные приставки, изучаемые обычно в тесной связи с проблематикой глагольной морфологии. Их относительная изученность распространяется и на соотносительные с глагольными

³⁵ Meillet. Etudes I, стр. 176—177.

³⁶ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II, 1-ère partie. Lyon—Paris, 1954, стр. 312.

префиксами именные префиксы, например **u-* : **o-*, **s-* : **sp-*, **po-* : **ra-*. Однако изученность именных префиксов резко отличается от соответствующих глагольных. Если же, далее, обратиться к чисто именной префиксации в славянских языках, то мы вступим в сферу практически изолированного этимологизирования. До недавнего времени, например, были возможны прямо противоположные высказывания по вопросу, есть ли в славянском слове (имена) с *k*- префиксальным. Несмотря на наличие определенного материала, свидетельствующего о существовании *k*- префиксального (в вариантах огласовках *ka-*, *ko-*, *kɔ-*), до сих пор возможны этимологии, вопреки всякой очевидности, членящие то или иное слово противоположным образом (ср. для примера различные этимологические объяснения слова *kodelь, русск. *кудель*). С этим связана полезность систематических опытов инвентаризации (на этимологической основе) редких типов славянских именных префиксальных сложений. В качестве примера одной из редких славянских словообразовательных префиксальных моделей можно назвать модель «*a-* + корень», которой мы касаемся в другом месте. Ограниченнная продуктивность или ранняя утрата продуктивности оттеняет такие особенности этих образований, как древность образования, оправдывающая использование некоторых внешне далеких индоевропейских параллелей. Ниже мы останавливаемся на редкой славянской префиксальной модели «*jь-* + корень». В нашем распоряжении нет абсолютно полного материала, речь будет идти, с одной стороны, об одном-двух примерах, где предшествующее исследование не исключало наличия названного префикса, а с другой стороны, о некоторых примерах, ранее в этом плане как будто не толковавшихся.

Праслав. **jъver-*, откуда болг. *йвер* 'щепка', сербохорв. *јвеер* то же, словен. *ivér* 'щепка, заноза', чеш. *ivera*, *jivera*, слвц. *very*, польск. *wiogr*, мн. *wiory* 'щепа, стружка', полаб. *jevér* 'щепка', русск. диал. *йверень* 'щепа, осколок', укр. *івер*. Не только Миклодич, но и Бернекер предпочитает в своих словарях говорить применительно к этому слову о протезе (*Vorschlag*) неясного характера *jь-* / *i-*. Членение слова облегчается возможностью довольно четкого выделения корня *-ver-*, соотносительного со славянским глаголом *verti с семантикой 'продевать, просовывать'³⁷. Пожалуй, ближе всего подошел к верному решению, по нашему мнению, Петерссон, который видит в начальном элементе нашего слова приставку, т. е. морфологический формант³⁸. Ниже мы остановимся на идентификации этой приставки, а также на некоторых связанных с этим сравнительно-исторических соображе-

³⁷ Bergneker I, стр. 439; Фасмер II, стр. 114;

³⁸ H. Petersson. Baltische und slavische Wortstudien. «Lunds Universitets Årsskrift», Bd 14, No. 31, Lund, 1918, стр. 52.

ниях. Другим заметным словом практически общеславянского распространения, включающим эту приставку, является **jьvylga*, откуда ст.-слав. (др.-болг.) *влъга*, болг. *авлига* 'иволга *Oriolus galbula*'³⁹, сербохорв. *vјѓа* 'ремез', словен. *vblga* 'иволга', чеш. *vlha*, польск. *wilga*, *wywilga* то же, русск. *иволга*, укр. *іволга*, *волга* то же. И здесь мнение исследователей разделяется между гипотезой об *i*- протетическом⁴⁰ и гипотезой об особой приставке (Петерссон). Прочие этимологии⁴¹ мы тут опускаем. Нам кажется целесообразным предпочтеть и несколько развить приставочную этимологию. В пользу приставочного характера *jь-* в этом, как и в предыдущем слове, свидетельствует подударность данного элемента (русск. *и́верень*, *и́волга*, впрочем, родственные формы последнего затмнены в смысле ударения), свойственная как раз старым именным префиксам. Кроме того, о приставочном качестве начального *jь-* в составе, в частности, последнего славянского слова недвусмысленно говорит, по нашему мнению, до сих пор неверно объяснявшаяся польская форма названия птицы — *wywilga*. Начало польского слова не происходит ни от редупликации древнего корня, ни от протетического развития *w-*; его следует читать как префикс *wu-*, что ценно для нас, далее, и при попытке функционально-семантической реконструкции исследуемой здесь приставки *jь-*, которая, думается, была синонимична приставке *vu-*, откуда и возможность замены. О приставке *vu-* известно, что она функционально близка и практически синонимична другой славянской приставке — *jьz-*. Тем самым мы получаем довольно логичную конфронтацию слав. *jь-* и *jьz-*. О префиксе *jьz-* писалось много; здесь достаточно сказать, что это весьма типичный славянский глагольно-именной префикс с преобладающей регулярной функцией преверба, глагольной приставки. Как бы ни был мал наш материал по образованиям с префиксом *jь-* (см. также ниже), он позволяет говорить об исключительно приименном характере этого последнего. Любопытные и, видимо, старые именные сложения с этим префиксом могут быть указаны в составе старой восточнославянской гидронимики: *Ивода*, название реки и озера в бывшей Новгородской губ.; *Ивод*, приток Ветьмы, быв. Брянск. у.; *Идолга*, река с двумя притоками *Малая Идолга*, в бассейне Медведицы, на Дону⁴². Гидронимы *Ивода*, *Ивод* прозрачны по составу: из приставки *и-* и именной основы *вод-*, *вода*. Название *Идолга* (известное мне, кстати, из живого употребления именно с таким ударением) представляет собой сложение той же

³⁹ Георгиев [и др]. Български етимологичен речник I, стр. 2.

⁴⁰ Вү́скнер, стр. 621.

⁴¹ Фасмер II, стр. 114; J. Endzelin. Germanisch-baltische Miszellen. — KZ LII, 1924, стр. 123.

⁴² Цит. по: «Wörterbuch der russischen Gewässernamen» zusammengest. von A. Кегндел, R. Richhardt und W. Eissold unter Leitung von M. Vassmer, Bd II. Berlin—Wiesbaden, 1963, стр. 115, 116, 120.

приставки с именной, адъективной основой *долг-*, ср. *долгий*. Аналогично этому слав. *jьvьlga, русск. *иволга* — сложение приставки *jь-*, русск. *и-* и корня **vьlg-*, обозначающего влажность, сырость⁴³. Сближение префиксов *jь-* и *jьz-* этимологически перспективно благодаря обнаруживаемой при этом возможности выявить строение *jьz-*, так сказать, средствами славянского языкового материала. Славянский префикс *jьz-* представляет собой форму редукции **i gh-* от представленного в большинстве индоевропейских языков полного префикса с той же функцией *e gh s (откуда греч. ἐξ, лат. *ex* 'из'⁴⁴). Типологически вероятно, что полная индоевропейская форма префикса построена из дейтического элемента *e-* и частиц *-gh-*, *-s-*. Такую членимость показывает латинский вариант известного нам предлога-приставки *ē-* наряду с упомянутым полным *ex*. Интересно, что реминисценцию о таком же членении самостоятельно сохранил славянский, обнаруживающий, наряду с *jьz-*, родственное ему более простое и первоначальное *jь-*. Такая парность употребления названных более простой и более сложной форм индоевропейской приставки в славянском и в латинском — параллелизм, заслуживающий дальнейшего изучения. Один из путей изучения описанных славянско-латинских сходств — это сравнительный анализ славянских именных сложений вроде *иволга*, *иверень*, *Идолга* с простым *jь-* в составе, с одной стороны, и латинских экзоцентрических сложений вроде *ē-linguis* 'у кого язык торчит наружу'⁴⁵ с простым *e-*, с другой стороны.

⁴³ См.: Фасмер II, стр. 114, вслед за Брюкнером.

⁴⁴ Рокогору I, стр. 292—293.

⁴⁵ См. о них: К. Вугманн. Der Kompositionstypus *ēv-θeos*. — IFXVIII, 1905/1906, стр. 127.